

1. Абульханова-Славская, К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подход / К.А. Абульханова-Славская // Российский менталитет. – М., 1997 – 435 с.
2. Введение в психологию: учебник для вузов / под ред. А.В. Петровского. – М.: Академия, 1996 – 496 с
3. Иванова, Т.В. Социально-психологические проблемы городской ментальности: автореф. дис. доктора псих. наук / Т.В. Иванова; СамГПУ. – Ярославль, 2004
4. Крысько В. Социальная психология: учебник для вузов / В. Крысько. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2006.
5. Социальная психология: словарь / сост. М.Ю. Кондратьев – М.: Речь, 2005.

Стрекалова Е.Н. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

«КОРЕНИЗАЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ЗАДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-е гг.

Формирование наднациональных объединяющих начал советской идентичности и решение «национального вопроса» в период образования СССР актуализируют необходимость изучения проходивших процессов. В этом контексте значительный интерес представляет проходивший процесс создания национальной интеллигенции у северокавказских народов, что провозглашалось государственной задачей для преодоления «исторического неравенства» уже с самого начала 20-х гг.

Подготовка национальных кадров интеллигенции являлась не только и даже не столько культурной, а скорее политической задачей. Северокавказские исследователи процесса формирования национальной интеллигенции отмечали практически полное отсутствие образованных людей из местных горских народов вплоть до первых десятилетий XX века. Немногочисленные представители интеллигенции региона в большинстве своем были русскими, приезжими, либо относились к чиновничеству и духовенству [1, 12, 17, 25]. Неотъемлемой чертой новой интеллектуальной элиты должна была стать политическая лояльность к советской власти и марксистской идеологии.

Северный Кавказ начала XX столетия представлял собой аграрную окраину Российской империи. Процессы модернизации медленно втягивали местные народы в водоворот российского капиталистического процесса. В преимущественно аграрной экономике региона рельефно выделялось крупное промышленное производство. Это были Грозненские, Майкопские и Кубанские нефтяные промыслы, цветная металлургия в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, цементные заводы Новороссийска [16, с. 398–400]. Регион нуждался в учителях, агрономах, инженерах. Однако подготовке специалистов из местных народностей препятствовал низкий уровень грамотности, отсутствие светской школы, органов печати, у некоторых не было письменности на родном языке. Анализ данных даже к 1920 г. показывает, что наибольший уровень грамотных был в Северной Осетии – 12 % [17, с. 4]. Среди общего количества грамотных (9,2 %) в Дагестане образование на русском языке получили только 2,5%. Самые низкие показатели грамотности были в Чечне и Балкарии – 0,8 %, в Кабарде – 2,1 %, в Ингушетии – 3 %, в Черкесии – 4,3 %, в Карачае – 6,7 % [11, с. 168; 17, с. 37]. Безграмотность являлась главным препятствием на пути получения профессионального образования горскими народами.

Показатели грамотности северокавказских народов, да и других народов России к 1920-му г., объясняют, почему в одной из последних своих работ В.И. Ленин писал, что предстоит уйма работы, чтобы на почве «пролетарских завоеваний достигнуть сколько-нибудь культурного уровня, цивилизованного государства Западной Европы». Также от-

метим, что малограмотность населения должна служить предостережением для всех, кто впадает в идеях «пролетарской культуры» [20, с. 21]. Ленин хорошо знал, что человек вне грамотности, вне письменной культуры остается вне политики. В национальных территориях это было чревато весомыми проблемами.

В связи с этим сразу после завершения основных военных конфликтов гражданской войны передовым направлением в подготовке национальных кадров стало обучение административно-управленческого персонала, от которого во многом зависело национально-государственное строительство. В 1921–24 гг. из Горской республики выделались автономные Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северо-Осетинская, Адыгейская, Ингушская, Чеченская автономные области, вошедшие в Юго-Восточный край, переименованный в 1924 г. Северо-Кавказский с центром в Ростове-на-Дону [1, с. 38–39]. Автономии нуждались в управленцах из коренного населения. XII РКП(б) съезд весной 1923 г. называл проблему преодоления неравенства второй очередной задачей партии [13, с. 83–84]. Очевидно, что для горцев гораздо понятнее звучали политические лозунги и экономические задачи из уст земляков. Управленцы из местных народов становились опорой советской власти, поддерживали и укрепляли влияние государственного центра на окраинах страны.

Обучение наиболее подготовленных представителей горских народов проходило ускоренными темпами в совпартшколах. Такой своеобразный, созвучный времени тип учебных заведений появился сразу после революции 1917 г. Однако на Северном Кавказе их распространение задержали бои с армией Деникина. В 1920 г. партийные школы появились во Владикавказе и Грозном. Отбор учащихся шел в первую очередь среди вступивших в партию и комсомол. Краткосрочность обучения (2 месяца) позволила уже к январю 1921 г. подготовить 82 человека [14, с. 28].

Северокавказский интеллигентовед 70-х гг. М.М. Бекижев подчеркивал, что совпартшколы были основной базой подготовки «руководящих кадров местной интеллигенции в 20-е гг.» [1, с. 79]. Сегодня вызывает серьезные сомнения, насколько можно отнести к интеллигенции советских номенклатурных работников с образованием от двух–шести месяцев до года. Даже когда к 1922 г. после многочисленных экспериментов установился единый тип совпартшкол, на первой ступени обучения в 3–4 месяца общеобразовательным дисциплинам отводилась половина учебного времени. По причине низкого уровня образовательного уровня слушателей и на второй ступени обучения длительностью в год общеобразовательные предметы изучались четвертую часть времени [15, с. 10]. Они получали элементарные политические знания и выполняли агитационно-пропагандистскую работу.

Однако, возвращаясь в родные места, они способствовали интеграции региона в пространство советской государственности. Не случайно пленум Ингушского обкома в марте 1926 г., рассматривая вопрос о подготовке горцев в учебные заведения, особо выделял краевые курсы парработников, куда тщательно проводился отбор наиболее подготовленных по образовательному уровню националов-партийцев, комсомольцев и рабочих [6, д. 257, л. 16].

Несмотря на это, большая часть управленцев на Северном Кавказе, как и в целом по стране, отличалась низким уровнем образования [3, с. 121]. Только третий уровень партийного образования завершался трехгодичным курсом коммунистического университета. В 1925–26 гг. в Москве в комвузе трудящихся Востока на горско-дагестанском отделении обучалось 138 представителей северокавказских республик [26, д. 83-а, л. 92]. Но Всесо-

юзная партийная перепись 1927 г. показала, что только 26 советских партийных работников в регионе закончили комвузы. В общем составе управленцев около 75% имели ту или иную общеобразовательную подготовку [2, с. 60–109, 119]. Экономические реалии периода нэпа и национально-территориальные преобразования, тем не менее, требовали расширения круга управленцев из местных народов. Вместе с тем льготы номенклатурным работникам благоприятствовали обучению в совпартшколах карьеристски настроенных выходцев из северокавказских народов.

После обучения управленцев первостепенной становилась подготовка учителей из местных народов, затем готовились медицинские, аграрные, технические и научные кадры [24, с. 92–93]. Анализ документов доказывает такую расстановку приоритетов до середины 20-х гг., когда для развития промышленности, освоения горнорудных месторождений Кавказа, развития электроэнергетики потребовались специалисты-техники. Техническое образование, говорилось в одном из документов Главпрофобра, выступило в виде острой социально-экономической проблемы, для решения которой были необходимы экстренные меры [7, д. 19, л. 45]. Представляется, что подготовка инженеров и техников из представителей северокавказских народов при указанной проблеме малограмотности, к которой добавлялось и плохое знание русского языка, являлась самой сложной задачей, которую перед собой ставила власть. Исследователи не уделяли специального внимания этому вопросу, в связи с чем, остановимся на нем подробнее.

Высшие учебные заведения на Северном Кавказе возникли после революции 1917 г. Политехнические институты во Владикавказе и в Краснодаре начали свою деятельность по общественной инициативе в денкинское время и законодательно были утверждены советской властью после окончания гражданской войны. Техническая школа в 20-е гг. должна была соответствовать потребностям народного хозяйства в переживаемую эпоху, ее реформированием занимался Главпрофобр [19, с. 17–20; 22, с. 20–21; 18, с. 173–174]. Однако в условиях послевоенной разрухи вузы испытывали значительные материальные и организационные трудности. Сроки обучения сократились с пяти до трех лет, количество предметов – до минимума. Главная ставка делалась на практическое обучение профессии [5, д. 361, л. 38; 21, с. 2]. Учебные заведения не обеспечивались профессорско-преподавательскими кадрами и учебно-материальной базой. По сведениям комиссии по улучшению быта ученых, в 1922 г. часть преподавателей ночевали в аудиториях, проживали с семьями в проходных комнатах, уходили на частные предприятия [27, д. 213, л. 52; 22, с. 33].

В 1921 г. возникла угроза закрытия Горского политеха во Владикавказе. В.И. Ленин, к которому обратились за помощью, написал, что спасение вуза – дело политическое. К этому времени в институте училось 1200 студентов, и 800 отпускаемых пайков прожиточного минимума не могли покрыть нужды студентов. 50% содержания вуза перевели на местное финансирование, заинтересованные предприятия отчисляли средства в вузовский бюджет. Оказывали помощь общегорскому вузу и соседние республики. Только в 1922 г. экономсовет Дагестана учредил 10 стипендий для студентов – дагестанцев, поступающих в политехнический вуз [8, Оп. 6., д. 13 л. 9–11; 9, д. 173, л. 5, 17]. Тем не менее, к 1925 г. бюджет вузов удовлетворялся только на 8–25%. В это сложнейшее время вузы переформировывались, сохранялись в усеченном виде. В 1923 г. Горский политех сохранился в виде мелиоративно-гидротехнического факультета [26, д. 113, л. 59].

Своеобразными подпорками высшей школе служили рабочие факультеты. За два года они готовили рабочую молодежь к вузовскому обучению. В Северо-Кавказском крае в 102

1920 г. рабфаки появились в Ростове, Владикавказе, Краснодаре, в 1921 г. – в Грозном, в 1927 г. – в Махачкале [17, с. 63; 18, с. 183]. Рабфаки предназначались и для пролетаризации высшей школы. При комплектации студенческим составом преимущество отдавалось рабочим. Роль рабфаков в процессе формирования национальной интеллигенции огромна. Малочисленность сельских трудовых школ, дающих подготовку в вузы, бедность населения обусловили то, что рабфаки стали одним из наиболее целесообразных типов учебных заведений. Однако низкая грамотность местных народов приводила к тому, что студентов из коренных народов в них было меньшинство. Так, в 1922г. из 211 студентов во Владикавказском рабфаке училось только 50 горцев [26, д. 252, л. 32].

Определенный демократизм советского образования дал возможность учиться многим из рабочих и крестьян, кто в царское время был лишен этой возможности. С другой стороны, классовый принцип в образовании исключал наиболее подготовленных по образовательному уровню к высшей школе детей служащих, интеллигенции, духовенства из числа студентов, как потенциально враждебных. Проводились чистки вузов. Под лозунгом борьбы за пролетаризацию в 1925 г. из вузов исключили бывших гимназистов [27, д. 160, л. 24].

Сложности в положении высшей школы региона приводили к складыванию практики командирования в ведущие вузы Москвы, Ленинграда, что приобретало весомое место в системе подготовки специалистов. С этого времени утверждается политика «бронирования мест» для конкретных национальностей в определенных вузах в зависимости от потребностей в специалистах той или иной профессии. Коллегия Главпрофобра в 1921 г. забронировала для Горской республики 45 мест в вузах, Дагестану – 32 места [8, оп. 7, д. 24, л. 6–18, 31–37]. Система льгот, организованная государством, не позволяла всегда занять все места абитуриентам из северокавказских республик. Не хватало подготовленных людей. Исполком Кабардино-Балкарии объяснял это крестьянским составом населения, не имевшим возможности получить необходимый уровень образования.

Целевая подготовка специалистов наряду с плюсами приобрела отрицательные стороны: низкий уровень знаний выпускаемых специалистов, определенное иждивенчество студентов. Смягчение экзаменационных испытаний при плохом знании русского языка приводило к тому, что зачастую целые группы не могли сдать экзамены вовремя [23, д. 192, л. 623–625; 9, д. 113, л. 58].

Итак, преодолеть «культурное неравенство», провозглашенное властью, оказалось чрезвычайно сложно в силу низкой грамотности населения, отсутствия высших учебных заведений в регионе, нехватке преподавательских кадров, общей разрухе после гражданской войны. В подготовке интеллигенции установился форсированный, мобилизационный тип развития: сокращались сроки обучения, упрощались вступительные испытания, установилась система бронирования льготных мест в центральных вузах для северокавказских народностей. Несмотря на трудности, государство проявляло настойчивость в подготовке национальных кадров интеллигенции. Представляется, что в подготовке интеллигенции из горских народов совпали общегосударственные прагматические цели и национальные интересы региона, выразившиеся в потребности повышения общекультурного уровня. Происходила советизация местной интеллигенции, поскольку в учебных курсах идеологическая составляющая занимала значительное место. Интеллигенция помимо профессиональной деятельности выступала агитатором, проводником политики и идеологии, способствовала интеграции региона в пространство единой государственности.

1. Бекижев. М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа. (1917 – 1941) / М.М. Бекижев – Черкесск : Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1978. – 288 с.
2. Всероссийская партийная перепись 1927г. – М.: Партиздат, 1927. – 205 с.
3. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы. 20-ые годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР) / Е.Г. Гимпельсон. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 225 с.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – Фонд. 1. – Оп. 1. – Л. 18–19.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Фонд. Р. – 3758. – Оп. 1 – Д. 361
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд. А. – 296. – Оп. 1 – Д. 257
7. ГАРФ. – Фонд. А. – 2306. – Оп. 8.
8. ГАРФ. – Фонд. Р. – 1318. – Оп. 6.
9. ГАРФ. – Фонд. А. – 1565. – Оп. 4.
10. К десятилетнему юбилею рабфаков : Научно-методический сборник. – Краснодар: Кн. из-во., 1929. – 185 с.
11. Даниялов, А.Д. Строительство социализма в Дагестане / А.Д. Даниялов. – М.: Сов. Россия, 1975. – 184 с
12. Джамбулатова, З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии. (1920– 940) / З.К. Джамбулатова. – Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. – 235 с.
13. Двенадцатый съезд РКП(б). По национальному вопросу //КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд. – М., 1984. – Т. 3. – С. 79–88.
14. Известия. Кавбюро ЦК РКП (б). -- 1921. – №4.
15. Известия ЦК РКП (б). – 1922 – №3.
16. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.
17. Каймаразов, Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. По материалам Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, и Чечено-Ингушской АССР / Г.Ш. Каймаразов. – М.: Наука, 1988. – 334 с.
18. Культурное строительство в Северной Осетии : сб. документов и материалов : в 2 т. – Орджоникидзе ИР, 1974. – Т.1. – 546 с.
19. Куценко, И.Я. Кубанский государственный технологический университет. История и современность / И.Я. Куценко. – Краснодар: Из-во Куб. ГТУ, 1999.
20. Ленин, В.И. Странички из дневника / В.И. Ленин //КПСС в резолюциях и решениях съездов. . – Т 3 – С.21 –24.
21. Материалы по профессионально-техническому образованию. Реформа высшей технической школы. – Вып. 1. – М.: Красная новь, 1920. – Ч.1. – 159 с.
22. Народное образование на Северном Кавказе. (По материалам обследования 1 декабря 1926 года) – Ростов н/Д. : Северный Кавказ, 1926. –134 с.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд. 8084. – Оп. 1.
24. Советская интеллигенция. Словарь-справочник / под ред. Л.В. Ивановой. – М.: Наука, 1987. – 251с.
25. Хачиров, А.К. О формировании осетинской интеллигенции /А.К. Хачиров. – Орджоникидзе: Сев. Осет. 1964. – 92с.
26. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Фонд. 7. – Оп. 1.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Фонд. 9. – Оп. 1.

Стрелец М.В. (Брестский государственный технический университет)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ СУБЪЕКТА ГЕРМАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЕ ФОН БОЙСТА)

В рамках настоящего круглого стола представляется вполне уместным обращение к опыту функционирования германской федерации. К сожалению, в отечественной историографии ещё не исследовались политические портреты руководителей её субъектов. Автор настоящего доклада попытался восполнить этот пробел на примере Оле фон Бойста.

Оле фон Бойст, Карл-Фридрих Арп Оле барон фон Бойст родился 13 апреля 1955 года в Гамбурге. Оле фон Бойст – младший из трёх сыновей Ахима-Хельге барона фон Бойста и Ханны баронессы фон Бойст. Его родители вынуждены были во времена национал-социализма бежать, так как его мать по национал-социалистической терминологии